

Я увидел в руках у Коли Утюгова журнал «Наука и жизнь». Это было явление того же порядка, что и тайна Тунгусского метеорита. Я всегда знал его как последовательного сторонника философского тезиса: «Учись мой сын, наука сокращает нам жизнь». Тезис Коля создал самостоятельно на базе стихотворения, доставившего ему в школьные годы ряд мелких неприятностей. Потому и запомнилось.

— Гм?— я вопросительно ткнул пальцем в журнале.

— Рубаю информацию, — мрачно сказал Коля и даже подвигал челюстями, будто пережевывая что-то.— Теперь же все, ей бо, как чокнутые с этой информацией. Только и разговору везде: «поток информации», «переработка информации». И Люська моя туда же: «Мы, Коля, должны пополнить запасы нашей информации». Ну, я, конечно, поржал и, думаю, дело с концом. Потом смотрю: продолжается этот фестиваль. Теща начала всякие разные разговорчики устраивать. Дескать, при Люськиной красоте у меня вполне мог быть зять кандидат научных работ, и ты, Коля, должен понимать и соответствовать. Я себе молчу. С ними связываться, что рыбу с костями глотать. Себе же хуже. Пережду, думаю, хай мода на эту самую информацию пройдет. Не первый раз. Только не вышел номер.

Позавчера Люська мне делает задание:

— Научи Ниночку играть в шахматы.

Ну, ты знаешь, я эти самые шахматные дебюты-кредиты в гробу видал. Так, от скуки подвигать фигуры приходилось, а всерьез — ни-ни. Я было

хотел увернуться: шахмат, мол, у меня нет. А Люська посмотрела на меня так, знаешь, с высокой колокольни:

— Я,— говорит,— знаю, что у тебя никогда ничего нет. Вот купила.—И выволакивает новенькие шахматы.

Деваться некуда. Расставили мы с Нинкой фигуры. Растолковал я ей, что как ходит. Нинке, конечно, поначалу один вернисаж, удовольствие, значит. А у меня, веришь, рот разрывается от зевоты.

Забрали мы быстренько друг у друга по лошади. А тут как раз в моей зажигалке бензин кончился. Обрадовался я, думаю, передохну немного. И толкую Нинке:

— Следующий ход твой. Ты пока мозгуй, куда ходить станешь, а я зажигалку заправлю.

Пока я с зажигалкой валандался, слышу из той комнаты, где Нинка осталась:

— Иго-го-го.

Захожу, а Нинка того коня, что у меня выиграла, из-за своих фигур высовывает:

— Иго-го-го, просится пленный конь... Папа, и твой пускай просится.

Я смотрю, дело это веселей! Посажали мы фигуры друг на друга. Нинка говорит:

— Папа, эти у нас едут на конях, а эти на телеге-самоезде.

Тут влетает Люська. И пошел фестиваль! Дочку в угол, а мне:

— Ничего серьезного поручить нельзя! Ниночке через полтора года в школу!

Разное она там толковала, я все не запомнил. Вроде шахматы голову к арифметике способной делают, а теперь в школе не то, что в наше время. Скоро в первом классе относительную теорию учить будут и какую-то ватную механику... Может, и квантовую, шут их разберет... А тут теща вдруг за нас с Нинкой встала. Мол, теперь нужно не заставлять детей, а пусть что им интересно делают. Новый способ такой изобрели.

Нинка шумит:

— У меня другая информация!

И вы, мама, не суйтесь своим носом в мое воспитание!

Теще тоже пару ласковых врубить много времени не надо. Она Нинке режет:

— Твоя информация против моей — тьфу! И сама ты дура!

Нинка в углу ревет, а я сижу, как лопух. И не в зуб ногой, о чем они там лаются.

Вот решил этот журнал пропороть насквозь. Продавщица сказала, что тут на каждый случай информация имеется. Я им устрою фестиваль! Прижму так, что не пикнут... Слушай, а это правда, что в первом классе с того года эту самую ватную механику учить будут?

Я ответил, что не знаю. Возможно, будут. Коля грустно покачал головой и пошел домой «рубать информацию».